

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.С.ГОРБАЧЕВА НА ТРИНАДЦАТОМ (УТРЕННЕМ) ЗАСЕДАНИИ

10 июля 1990 года

Об итогах обсуждения Политического отчета ЦК КПСС

XXVIII съезду партии

Дискуссия только разворачивается, многое еще впереди. Она шла и здесь, в этом зале, и на секциях, в комиссиях, в работе которых активно участвуют делегаты съезда. Если добавить сюда дебаты, которые состоялись на наших встречах с делегатами – рабочими, крестьянами, секретарями партийных организаций, районных и городских комитетов партии, с аграрниками, то съезд, можно сказать, многое выплеснул на поверхность. С одной стороны, подтвердилось то, что мы знали о процессах, происходящих в стране. Но съезд многое добавил – особенно с точки зрения оценки возможных последствий, если те или иные тенденции получают развитие в нашем обществе.

Я не претендую сейчас на подведение полных итогов – это, наверное, еще предстоит сделать после съезда вновь избранному Центральному Комитету партии и его органам, партийным комитетам всех рангов. Непросто с ходу все собрать воедино. Буду говорить так, как чувствую, переживаю, оцениваю на данном этапе.

Дискуссия в целом отразила состояние умов, положение в экономике и в социальной сфере, в политической жизни, напряженность перестроечных процессов, происходящих в стране. В ней было немало наносного, случайного, сказанного в сердцах, от избытка тревоги, а то и просто озлобленности или неумения вести спор. Что ж, будем все учиться. Таковы наши реальности.

Я хотел бы выделить самое главное, что оказалось в центре обсуждения, вызвало самые горячие споры, по поводу чего задавалось больше всего вопросов. Думаю, правильно поставить вопрос так: какие уроки уже сейчас можно извлечь из дискуссии, из того, что происходит на нашем съезде?

Первое, что следует подчеркнуть: за малыми исключениями политический курс на перестройку, обновление всего нашего общества в рамках социалистического выбора не ставится под сомнение, поддерживается съездом. Большинство делегатов понимают, что он был продиктован жизнью и, трансформируясь в политику по всем направлениям, от экономики до духовной сферы, уже привел к колоссальным переменам в обществе и продолжает оказывать огромное воздействие на все наше развитие. Моя позиция – вы должны иметь полную ясность в этом отношении – заключается в следующем. Несмотря

на ошибки, просчеты, запоздания, о чем делегаты здесь правильно говорили и что подвергали острой критике, ибо это обернулось большими потерями для общества и партии, несмотря на драматизм нынешнего положения в стране, общий итог происшедших перемен я считаю значительным, прогрессивным.

На съезде сталкивались мнения о том, что дала перестройка. Были попытки оценить ее на аптекарских весах, при помощи четырех действий арифметики. Это несерьезно, товарищи. О таком явлении, как перестройка, революционное преобразование общества, нужно судить по новым критериям, критериям исторического масштаба.

Тот, кто действительно понимает, что перестройка нужна, что это революция, а не просто, так сказать, перекраска фасада, тот понимает, что нам еще многое надо преодолеть. Воспринимая критику – при всей ее резкости – в адрес инициаторов перестройки и несмотря на критические оценки отчетного доклада, я не отказываюсь ни от чего, что там сказано, потому что все это обдуманно и взвешено.

Главный позитив достигнутого – общество получило свободу. Она раскрепостила энергию народа, дала выход зажатым в тисках догм и старых схем идеям, тревогам за судьбу страны, судьбу социализма, позволила включить миллионы людей в политику и начать жизненно назревшие преобразования. Не будь свободы, не было бы и этого съезда, той атмосферы, в которой он проходит.

Не все, что скопилось в душной и репрессивной атмосфере сталинщины и застоя и теперь выплеснулось на поверхность, оказалось приятным и конструктивным. Но с этим приходится считаться – на то и революция, ее первоначальная функция всегда состоит в том, чтобы дать народу свободу. И перестройка со своей демократизацией, гласностью выполнила уже эту первейшую задачу.

Духовное возрождение необходимо обществу, как кислород. Оно происходит на наших глазах и при всех издержках этого процесса уже оказало огромное воздействие. Общество стало другим, и мы с вами стали другими. Другой вопрос, что ни партия, ни страна в целом, ни старые, ни вновь образованные организации и движения, новая наша власть, все мы с вами, товарищи, не научились еще пользоваться обретенной свободой.

Поэтому первоочередная задача состоит в том, чтобы поскорее и лучше научиться этому.

В политической реформе мы продвинулись достаточно далеко, создали новые структуры власти сверху донизу на основе демократического волеизъявления народа. Они продолжают совершенствоваться, но уже начали действовать, наполняя конкретным содержанием нашу демократию, понятие правового государства. В их работе – о чем в эти дни не раз говорилось – много слабостей, недостает опыта, не отлажены процедуры и

механизмы, подчас не хватает политической культуры и компетентности, специальных знаний. Процесс формирования кадрового корпуса Советов еще не завершен. Но тем не менее новые Советы начали делать дело, и у народных депутатов растут ответственность, стремление скорее заняться конкретными проблемами, нуждами населения.

То, что таким образом восстанавливается реальная Советская власть, – это отрядный факт, одно из важнейших завоеваний перестройки, в которой участвовали и участвуют коммунисты, партийные организации. И все-таки кое-где ощущается некоторый отрыв, я бы сказал, холодок между Советами и партией. Здесь коммунистам надо быть очень внимательными, и прежде всего посмотреть на себя. Начинать всегда надо с себя. Не связано ли это отчуждение с тем, что мы никак не можем отрешиться от прежних методов общения с Советами, унаследованных от командно-административной системы? На такие претензии новые органы власти со своей стороны реагируют болезненно.

Я говорил в докладе, хочу повторить еще раз, что укрепление законности, наведение порядка, образование механизма, с помощью которого постановления и решения будут воплощаться в жизнь, теперь напрямую связаны со скорейшим обретением Советами всех уровней всей полноты власти и прав. И святая обязанность партии, партийных организаций и комитетов, коммунистов, работающих в Советах и в производственных коллективах, помочь этому. Но я бы одновременно призвал и депутатов Советов действовать конструктивно, в рамках Конституции и закона. Обращаюсь к ним в первую очередь как Президент. Со стороны части депутатов, прямо скажем, вырисовывается конфронтационная позиция, это не сулит ничего хорошего. Плохо, если коммунисты не понимают, что такое сегодня обновленные Советы, что сами они должны внести свою лепту в нормализацию ситуации в интересах народа. Плохо, если и Советы не понимают необходимость взаимодействия с партийными организациями.

Говоря о втором уроке дискуссии, хочу разделить оценки тех делегатов, которые, поддерживая линию на перестройку, высказали много острых критических замечаний по поводу того, что линия эта не всегда проводилась последовательно. Многие важные решения и законы, которые должны были бы направлять общественные процессы и упреждать возникновение негативных явлений, оказались невыполненными. Все это надо осмыслить и сделать выводы на будущее.

Получилось так, что, стараясь побыстрее отреагировать на требования жизни и выработать необходимые законы и решения, мы мало внимания уделяли их выполнению, по сути дела, у нас и механизма настоящего не было создано. Отсюда стало очевидным,

что нужна президентская власть, нужно быстрее проводить политическую реформу, создавать новые Советы, потому что без них все эти законы как бы повисают в воздухе.

Это нужно отнести в значительной мере на счет Центра. Но хочу сказать и об ответственности товарищей, работающих на республиканском и местном уровнях. Нам не надо кивать ни в Центре на места, ни там на Центр, нужно сотрудничать, действовать, объединяя усилия, а не искать виновных на стороне.

Многое, наверное, можно объяснить тем, что товарищи в республиках и на местах, да что говорить, и в Центре просто растерялись, оказались в шоке. Тут проявилась старая болезнь – отсутствие инициативы, самостоятельных подходов, неумение действовать нестандартно в условиях демократии, в неординарной обстановке.

Хочу сказать об этом вот почему. Нельзя все трудности перестройки, то, что новые органы медленно, трудно входят в жизнь и набирают динамику, объяснять только сопротивлением тех, кто не принимает перестройку. Они, конечно, есть, я о них говорил в докладе, на встречах с рабочими, секретарями партийных организаций. Но многие просто должны еще понять эту нынешнюю ситуацию.

Вот мы говорим: кризис партии. И корни его уходят как раз в неумение, в ряде случаев нежелание до конца понять, что мы живем и работаем уже в новом обществе, небывало политизированном, в обществе с широкой и практически неограниченной гласностью, невиданной за всю историю свободой. А многие партийные организации, коммунисты продолжают действовать привычными методами, наследованными от прошлого, которое держит нас за фалды. И если кто-то из делегатов, а такие, судя по выступлениям, есть среди нас, приехал на съезд в надежде вернуть партию в прежние условия команд и приказов, то, я должен сказать, они заведомо и глубоко ошиблись. Нам надо посвящать каждый час продвижению вперед перестройки, приспособлению нашей работы к новым условиям.

Партия будет авангардом общества и сможет действовать успешно, если только она целиком осознает свою новую роль и в кратчайший срок завершит свое реформирование на путях демократизации, научится по-новому работать в массах. Тот отрыв от народа, который тянется из прежних времен, необходимо преодолеть. Прежде всего путем обновления деятельности первичных парторганизаций, обновления кадров, повышения их авторитета.

Я глубоко переживаю возникшее здесь недопонимание. Мы не продвинемся вперед, не сумеем укрепить позиции партии, предложить эффективную политику обществу и тем самым придать новую динамику перестройке, если не осознаем, что все бывшее в прошлом в значительной мере устарело и неприемлемо. И в атмосфере съезда, и

во многих выступлениях, в манере некоторых делегатов вести дискуссию я услышал, как говорят, просто кожей почувствовал: далеко не все поняли, что партия уже живет и работает в другом обществе, и нужна другая, обновленная партия, с другим стилем деятельности. Мы не меняем свою линию, свой выбор, привержены социалистическим ценностям. Но, поверьте, успех партии зависит от того, чтобы она поняла, что это уже другое общество. Иначе ее будут оттеснять другие силы и она будет терять позиции. А сейчас мы располагаем огромными возможностями, и все дело в том, чтобы осознать главное – без обновления, без демократизации, без укрепления живой связи с народом, активной работы в массах мы не продвинемся далеко вперед.

В эти дни у меня было много личных бесед с товарищами, и должен сказать, что больше понимания, неординарности и новизны ситуации, в которой находится партия, я почувствовал со стороны, как принято говорить, рядовых товарищей – рабочих, крестьян, интеллигентов, секретарей первичных парторганизаций. Хотя это, в общем-то говоря, старое, из «тех времен» выражение, наверное, я его зря употребил.

Здесь выступил товарищ Гайворонский из Донецка, он правильно напомнил, что самое главное – чтобы партия быстрее наращивала самые широкие и глубокие связи с рабочим классом. Это показала и встреча с рабочими – делегатами и приглашенными. Партийные комитеты, в том числе ЦК, виноваты в том, что в ходе крупных политических кампаний они не смогли достойно постоять за интересы рабочего класса, долго раздумывали над своей позицией по отношению к возникающим новым формам рабочего движения. И на этом мы многое потеряли, рабочий класс прямо ставит вопрос перед нами.

Следующий урок из состоявшейся дискуссии – как нам действовать дальше на главных направлениях перестройки. Руководство партии и государства подверглось беспощадной критике за экономическую ситуацию, положение на рынке, обеспечение населения товарами.

Ключевые задачи здесь: решение продовольственного вопроса – я его ставлю на первый план, снимем его остроту, снимется на 70-80 процентов острота положения в социальной сфере, – переход к регулируемому рынку и жилищный вопрос.

В связи с этим, не скрою, меня беспокоило, когда съезд тремя четвертями голосов решил изменить название Комиссии по экономической реформе, исключив из него слово «рынок». Значит, сохраняется непонимание предложенного обществу крутого поворота на радикальное изменение ситуации в народном хозяйстве.

Неужели вся наша история не показала, товарищи, бесплодность попыток вырваться из нужды, в которой находились и государство, и граждане, путем штопания и латания командно-распорядительной системы? Мы уже понесли колоссальные потери,

упорно цепляясь за нее десятилетиями, да и сейчас продолжая цепляться, тормозя таким образом обновление и выход на новые формы экономической жизни в стране. А если пойдем так дальше, то, прямо скажу, приведем страну к банкротству. Я свою точку зрения высказываю определенно.

Преимущества рыночного хозяйства доказаны в мировом масштабе, и вопрос сейчас только в том, можно ли в условиях рынка обеспечить высокую социальную защищенность, то, что характерно для нашего социалистического строя, строя трудящихся. Ответ таков: не только можно, но именно регулируемая рыночная экономика позволит так нарастить общественное богатство, что в результате поднимется уровень жизни всех. И конечно, в наших руках государственная власть, которая способна принимать такие законы, такие решения, которые будут «создавать берега» для процесса перехода на рыночные отношения.

Конечно, пока преимущества рынка скажутся в полной мере, должен пройти период его становления. И самая сложная задача в этот период – выработать и осуществить комплекс специальных мер социальной защиты, особенно малоимущих граждан. В докладе уже сказано – то, как было объявлено о намерении переходить к рыночной экономике, напугало народ. Рынок явился к нему в образе не наполненных магазинных полок, а высоких цен. Я говорил, что начинать с цен – не тот путь. Но надо иметь в виду: без реформы ценообразования не может быть и перехода к рынку. В общем, нам надо исправить это впечатление, а главное – к сентябрю представить и Верховному Совету, и обществу взвешенные предложения, чтобы они определились и сделали выбор.

У меня уже была возможность ответить в развернутом виде на вопросы по аграрной политике, которые здесь остро поднимались и, чувствую, это встретило поддержку всего зала. Мы, в общем, далеко продвинулись на встрече с аграрниками в понимании того, как надо действовать в сфере аграрной политики, и начали уже принимать конкретные меры. Вчера Н.И.Рыжков подписал решение о списании долгов с села. (Аплодисменты.)

Я высказал свое отношение: мы здесь, на съезде, должны занять политическую позицию по отношению к крестьянству, к деревне, а не просто по продовольственному вопросу. Он представляет только часть проблемы. Будет деревня чувствовать себя крепко, будет уверенно и хорошо жить наше крестьянство, получит возможности для инициативной работы, – значит, быстрее будет решаться и продовольственный вопрос. (Аплодисменты.)

По аграрному вопросу все же, я почувствовал, не до конца присутствует понимание. Есть даже противопоставление двух основных подходов к подъему села. Я

имею в виду, с одной стороны, преобразование производственных отношений на основе законов о собственности, земле, аренде и, с другой – помощь селу в социальном обустройстве деревни, строительстве дорог, производстве сельскохозяйственной техники и т.д. Есть люди, которые, похоже, сознательно провоцируют негативное отношение к политике партии, выработанной на мартовском (1989 года) Пленуме, всеми правдами и неправдами пытаются создать впечатление, будто руководство не хочет помогать деревне. Больше того, я услышал из зала: «Поставить Горбачева во главе аграрной комиссии, поскольку он не любит сельское хозяйство». Нашли человека, который не любит сельское хозяйство!

Я, вы знаете, не сторонник сильных выражений, но в данном случае вынужден сказать, что подобные вещи либо идут от недомыслия, либо диктуются неблагоприятными расчетами. С этой трибуны повторяю еще раз для съезда, для партии, для всей страны: наша позиция заключается в том, что надо, во-первых, дать полную свободу всем видам хозяйствования на селе на основе полной добровольности выбора. Во-вторых, установить разумный обмен между городом и селом, промышленностью и сельским хозяйством, который содействовал бы подъему деревни в кратчайшие исторические сроки. В-третьих, государство должно максимально содействовать решению насущных проблем села, прежде всего созданию достойных условий жизни нашего крестьянства. Именно на этих трех китах можно возродить село и обеспечить страну продовольствием. И ни одного из них нельзя вырвать из этой триады, ибо обрушится вся система. (Аплодисменты.)

Мы должны выйти на крупные решения в том, что касается в целом аграрного сектора, деревни, положения крестьянства, – вот, так сказать, мое резюме дискуссии, которая состоялась здесь в эти дни.

Еще две темы прозвучали здесь остро. Нелегко было такое слушать, поскольку это затрагивает жизнь людей и уже обернулось тяжелыми последствиями. Во-первых, экологическая – одна из острейших сегодня проблем, и нам нельзя откладывать ее решение. Мы поздно спохватились, но многое можно, товарищи, поправить. Об этом свидетельствует и зарубежный опыт. Примерно три десятилетия назад в Соединенных Штатах также десятки городов находились в зоне экологического бедствия, буквально мертвы были реки, на грани смерти Великие озера, но крупные вложения и осуществление специальных программ позволили резко улучшить ситуацию. То же делается и в Европе, насыщенной промышленностью и химическими предприятиями. Поэтому, как ни тяжело нам сейчас приходится, надо идти на большие вложения средств в природоохранную сферу, рассматривая ее на абсолютно равной основе с такими жизненно важными задачами, как обеспечение людей продовольствием и жильем. Чистый воздух и вода

нужны ведь человеку не меньше, чем хлеб, товарищи. И, конечно, я думаю, потребуются государственные программы и в целом по экологии, и по крупным экологическим проблемам.

Больно всех нас задевают последствия чернобыльской аварии. Прошу товарищей из Белоруссии, с Украины, Брянщины понять, что мы переживаем вместе с ними эту беду. Мы столкнулись с ситуацией, которая преподносит нам все новые и новые проблемы. И это, кстати, повод к большим размышлениям. Один реактор, а смотрите, какие последствия! Что же будет, если вдруг разразится ядерная война? Даже не ядерная, и при обычной войне ядерные реакторы будут разрушены, и последствия будут не сравнимы с теми, с которыми мы столкнулись после Чернобыля. Огромная страна не может с ходу с ними справиться. Миллиарды рублей уже затрачены и еще будут затрачены, а появляются все новые и новые нужды. Я хотел бы, чтобы в Белоруссии, на Украине, на Брянщине слышали эти мои слова и знали, что вся страна с ними, понимает их беду и будет помогать.

Точно так же здесь говорилось о проблеме Арала. И люди там должны почувствовать, что и к ним мы придем на помощь.

Делегаты законно обеспокоены тем, что происходит в духовной сфере, в сфере культуры, науки и образования. Я получил десятки коллективных писем от представителей интеллигенции, и дело не только в отставании материальной базы, хотя это надо иметь в виду. Съезд выскажет, надеюсь, твердую позицию, что нам надо поддержать развитие и возвышение всей нашей культуры, науки, образования, искусства, литературы.

Полностью разделяю тревогу выступивших здесь учителей о том, что настоящее возрождение нашей школы – решающее условие будущего страны. Здесь прямая зависимость – мы никогда не сможем создать процветающую экономику, поднять на мировой уровень свою науку и технику, вести успешную борьбу против алкоголизма, наркомании, упадка морали, если не поставим на должную высоту дело образования, не возвысим роль учителя.

Понятно, что все проблемы жизни и деятельности партии в новых условиях так или иначе выходят на идеологию. Эта область деятельности партии подверглась, может быть, самой ожесточенной критике. Не обошлось, прямо скажу, и без грубости, но аргументов и конструктивных предложений пока всем нам недостает. И тут мы не слишком продвинулись.

Я не склонен оспаривать серьезность положения в некоторых сферах, так сказать, духовного производства. Тем более разделяю тревогу по поводу нравов, которые

получают распространение, никак не совместимых с идеалами гуманного социализма. Это не только наследие прошлого, но и результат, повторяю, «взрывного» характера той свободы, которую общество получило внезапно, долгое время находясь как бы в помещении с затхлым воздухом. О многом мы просто не знали. Все это требует большого внимания партии, интеллигенции, школы, всей системы наших культурных и образовательных учреждений. Это так.

Но в критике идеологической ситуации я почувствовал и сильное дыхание старых подходов. В докладе я попытался подойти к проблеме идеологии в новом ее понимании. Ведь все дело в том, что мы понимаем под социализмом. Некоторые товарищи полагают, что если мы запишем сейчас в Программном заявлении, в других документах, что по-прежнему верны старым подходам, то все станет на свои места. На какие места? Не окажемся ли мы там, где были более 60 лет с известными последствиями!

Идеология социализма – это не учебник, где все расписано по главам, пунктам, правилам и принципам. Она будет формироваться вместе с самим социализмом, по мере того как мы будем содействовать тому, чтобы страна была накормленной, обустроенной, цивилизованной, духовно богатой, свободной, счастливой. По мере того, как заново освоим общечеловеческие ценности – не как нечто классово чуждое, а как нормальное для нормального человека. Эти ценности ведь вырабатывались столетиями и тысячелетиями, пренебрежение к ним известно чем для нас обернулось. Идеология социализма будет формироваться в процессе включения страны в общий прогресс цивилизации. Именно поэтому самые широкие рамки для ее формирования определяются новым мышлением, которое уже воспринимается в мире как новый наш интернационализм, сплывающий, а не раскалывающий мир на противоборствующие лагеря.

От Маркса, Энгельса, Ленина мы наследуем высокий класс методологии мышления, диалектический образ мысли, на что и будем опираться в теории и политике. Но не позволим превратить все созданное классиками в очередной «Краткий курс», о чем, по-видимому, кое-кто сожалеет, судя по некоторым выступлениям. Этого не будет, это губительно для перестройки, для общества. (Аплодисменты.)

Мне бросалось в глаза, что как только появлялся на этой трибуне оратор, который пытался философски поставить вопросы нашего времени и в этом контексте посмотреть на всю нашу работу, в зале ощущалась апатия, начиналось захлопывание. Как мы, однако, привыкли к простым и ясным формулам: «быть – не быть», «дойдой – не додой». (Аплодисменты.) Давайте размышлять, мы же – партия, претендующая быть авангардом общества.

И еще один урок из дискуссии. На XXVIII съезд делегаты принесли всю обеспокоенность по поводу нестабильности в обществе. И на встрече с рабочими один рабочий не вытерпел: «Михаил Сергеевич, Николай Иванович, ответьте на два вопроса – когда будет в стране порядок и когда спекулянтов не будет?» (Аплодисменты.) Простые вроде вопросы, и требуется простой ответ, а его просто нет. Я так скажу: чем быстрее мы насытим рынок, чем быстрее и эффективнее заработает экономика, тем скорее нанесем поражение спекулянтам, теневой экономике.

Один секретарь районного комитета партии сказал: «Вы можете делать то, что делал Андропов?» Я на этот вопрос ответил и могу повторить здесь, на съезде: борьба со спекуляцией – это на 80 процентов экономический вопрос! (Аплодисменты.) Не будет развитой экономики, спекулянт будет процветать! На дефиците паразитируют все эти теневые дельцы и коррумпированные элементы.

Но значит ли это, что, пока мы не решили эти вопросы, нам надо сидеть сложа руки? Нет, конечно! Вы правильно требуете от нас укреплять порядок, я хочу потребовать от вас – давайте приведем в действие всю систему Советов, которую мы формировали целый год (а в это время спекулянт и преступник делали свое дело). Теперь она сформирована, давайте объединим усилия и ударим по-настоящему! (Аплодисменты.) Именно с этим, с работой советских, хозяйственных, партийных органов, и будет сейчас связан процесс стабилизации в обществе.

Уроком для всех нас является то, что мы многое проглядели в межнациональных отношениях, упустили время, а когда заметили – действовали с опозданием. Не буду сейчас оправдываться, больше всего не люблю оправдываться. Что было – то было. Хотя сколько было заседаний Политбюро, сколько было встреч – и с первыми секретарями, и в комиссиях, сколько поездок. Но, видимо, этого оказалось недостаточно. Главное – мы вовремя не разглядели опасности, мы все с вами – признайтесь честно! – считали, что все тут у нас благополучно, все решено, и в основном поднимали тосты за дружбу народов. Вот какой была наша работа в сфере национальной политики. И вдруг увидели, какие открылись проблемы. Но не сразу отреагировали, не сразу вышли на правильную оценку. Только потом появилась платформа, на базе которой мы повели работу. Теперь надо действовать, не теряя времени. Мы имеем политические оценки, имеем платформу партии, многие решения приняты Верховным Советом, наконец, заработал Совет Федерации, открыт процесс подготовки и разработки нового Союзного договора. Предлагаю от имени коммунистов в лице съезда обратиться ко всем народам страны с призывом: давайте остановимся, прекратим испытывать судьбу, займемся тем, чтобы на базе документов и подходов, которые всем нам уже ясны, придать новое дыхание нашему

союзу. Это сейчас самое главное. Я думаю, все нас услышат и откликнутся на этот призыв, но это предполагает активную нашу работу. (Аплодисменты.)

Как на съезде Компартии Российской Федерации, так и на этом съезде, особенно в комиссиях, мы вновь услышали резкую критику и прямые возражения против нашего нового внешнеполитического курса. Компетентные суждения по конкретным вопросам мы, конечно, учтем. Но попытки поставить под сомнение эту политику отвергаю как полностью неприемлемые, продиктованные чьими-то корыстными интересами.

Наша новая внешняя политика задела экономику, армию, оборону. На всех этих направлениях мы идем к реформам, включая государственную программу социальной защищенности военнослужащих. Это мы должны сделать, чтобы армия чувствовала заботу народа.

Надо помочь и нашим коллективам в оборонной промышленности, где объединены лучшие кадры и научные силы, где есть хорошие фонды для того, чтобы в короткие сроки перестроить производство и заняться выпуском очень нужной стране продукции на высоком уровне. Выигрыш от этого получит вся страна, прежде всего в том, что касается переоснащения отраслей, выпускающих товары народного потребления.

Есть, конечно, трудности, но они носят временный характер. Надо поскорее решать имеющиеся здесь проблемы. Но разве это повод для того, чтобы закрыть глаза на все, что наша внешняя политика дала стране и всему миру? Я отвергаю попытки ставить это под сомнение. Один из секретарей даже советовал мне не ездить за пределы страны. А зачем, спрашивается, мы туда ездим? Чтобы избежать войны, в нормальных условиях вести перестройку, наконец, высвободить ресурсы и направить их на нужды страны.

Нельзя оказаться на поводу у людей, некомпетентных в политике, это будет беда. Партия, претендующая быть авангардом, должна вести, а не подстраиваться под различные настроения. (Аплодисменты.) Ведь, посмотрите, какие задают вопросы: правильно ли мы сделали, что встали на путь разоружения и сокращения – непомерных и ненужных для обеспечения безопасности – военных расходов? Ответ напрашивается прямо из вопроса. Правильно ли поступили, не вмешиваясь в вопросы, развернувшиеся в Восточной Европе? Что, опять танки, опять будем учить, как жить? Я думаю, весь мир прислушивается к нам, когда мы ведем дело перестройки и хотим показать, что наше общество способно быть прогрессивным, дружески расположенным ко всем народам, предлагать сотрудничество. Вот как мы воздействуем на мир. (Аплодисменты.)

Ведь надо же додуматься, кое-кто еще ставит вопрос: правильно ли мы ушли из Афганистана? Ну тогда я просто не знаю, с кем мы имеем дело.

И еще. Правильно ли мы действовали, наладив хорошие отношения с десятками стран всех континентов? Да, правильно, и они откликнулись, причем не только правители, но и народы. Надо быть слепым, чтобы не видеть это. Здравый смысл, если он не замутнен корыстно-ведомственными соображениями, говорит о том, что все это было сделано правильно, отвечает коренным интересам нашего народа и нормам морали. Не говоря уже о том, что без новой внешней политики мы не в состоянии были бы преобразовать собственную страну.

Думаю, разъяснения, которые дали на съезде и до съезда мои коллеги, ряд других выступавших, достаточно убедительны, поэтому я лишь добавил эмоций для ясности вопроса.

Тот, кто имеет уши и хочет слышать, – услышит. Кто не хочет – это его личное дело, а мы будем иметь свое мнение на этот счет. Но есть одна тонкость: те, кто занимает важные посты в государстве, имеют прямую связь с нашей международной деятельностью, если даже они не согласны с политикой руководства страны, обязаны вопреки своему личному мнению проводить государственный курс. Так не может быть, чтобы у Президента и у правительства была одна линия, а у кого-то другая и он будет ее проводить. Такого нет ни в одном государстве. Все находящиеся на службе должны быть лояльными по отношению к правительству. А если это порядочные люди и они не согласны с политикой правительства, то они должны уйти в отставку. (Аплодисменты.)

Теперь о партии и ее судьбе. Вопрос, который нас сюда привел, – один из главных. Для меня это вопрос всей моей жизни и человеческой позиции. Какой тут урок съезда? Товарищи выражали острую тревогу, что партия теряет авторитет, слабеют ее позиции. Ее теснят другие политические силы, а в некоторых местах коммунисты вынуждены были перейти в оппозицию. Вину за это возлагали на руководство КПСС и особенно некоторых его членов. Скажу сразу, товарищи, что эта критика во многом по существу справедлива. Я только против формы. У нас на съезде не должно быть двух крайностей: сюсюканья в адрес кого бы то ни было и хамства. Вот и все, в остальном надо говорить прямо. (Аплодисменты.)

Я делаю отсюда вывод, что импульсы, которые шли от ЦК на всех этих направлениях, были недостаточны. В то же время своя доля вины лежит на партийных комитетах всех уровней. Навсегда, товарищи, ушло время, когда можно было получать от ЦК своего рода мандат на управление районом, городом, областью, республикой и сидеть на этом месте до последнего своего часа, независимо от того, как ты ведешь дело и что о тебе думают люди. Так было здесь, наверху, так было на республиканском уровне, так было и на всех уровнях. Это мы должны констатировать. Но время это ушло, и ушло

безвозвратно. Я в этом убежден. Нельзя вернуть вчерашний день никакими путями. И никакая диктатура – если у кого-то в голове бродит эта бредовая идея – ничего не решит. Мы на правильном пути. Нам надо только идти по нему твердо и решительно, избавляясь от слабостей. Вот задача задач, и мы должны вырабатывать такую политику и тактику, которая обеспечивала бы ее решение. Тут партии никто не заменит. Ей это под силу.

Что сейчас надо делать, чтобы авторитет партии нарастал, чтобы наше влияние было таким, на какое мы рассчитываем. Главное – чтобы на всех постах были люди современно мыслящие, политически острые, действительно искренние сторонники перестройки, а не приспособленцы, которые с готовностью произносят слова «перестройка», «демократия», «гласность», а на деле не умеют и не хотят работать по-новому. И по-прежнему рвутся командовать.

Совершенно согласен с выступившими делегатами съезда в том, что нужно значительно больше выдвинуть на руководящую работу передовых, грамотных рабочих – энтузиастов перестройки. Каких людей она открыла! Даже на встрече, где были те, кто представляет рабочий класс на съезде как делегаты и приглашенные, было видно, что это люди, способные к размышлению, политическому анализу. Это не просто крикуны, стремящиеся сказать «по-рабочему остро», бия себя в грудь, что они вот прямо «оттуда».

Это, конечно, имеет значение, что оттуда – от станка, из цеха и так далее, отовсюду, где куется наше могущество, создается фундамент, на котором мы стоим. Вот мы тут спорим, избираем, ведем дискуссии, формируем систему. А на чем держится страна? На рабочих, крестьянах, интеллигентах, которые тянут народное хозяйство. (Аплодисменты.)

Далее. Необходимо отрешиться от закостенелых идеологических штампов, которыми руководствуются не только в дискуссиях, но и в практических делах. По-прежнему нередки случаи, когда ставят впереди всего не требования жизни и не результаты работы, а соответствие того или иного поведения человека устоявшейся догме. Приверженность к догмам особенно мешает становлению новых форм хозяйствования, инициативе людей. Если так будем действовать, то наверняка дискредитируем социалистический выбор, народ от нас отвернется.

И еще. Партия не сумеет перестроиться до тех пор, пока все мы не поймем, что пришел конец монополии КПСС на власть и управление. Даже если мы сумеем завоевать на выборах большинство – а мы и можем, и должны действовать, чтобы завоевать это большинство и сохранить свое положение правящей партии, – даже в этих случаях целесообразно идти на сотрудничество с беспартийными депутатами, представителями других, признанных по закону политических течений, искренне озабоченных судьбой

страны. Покончить с сектантскими настроениями, с этой монополией навсегда, вытравить из сознания партработников и всех коммунистов.

Сотрудничать надо! Я разделяю точку зрения на этот счет, которую здесь высказал товарищ Лучинский. В отчетном докладе ЦК поставлен вопрос о желательности в современных условиях идти на коалицию всех демократических и социалистических сил. Только отодвинув в сторону партийно-политические и национальные разногласия, мы сможем сосредоточить все усилия, чтобы вывести страну из нынешнего тяжелого положения и осуществить далеко идущие реформы на всех направлениях жизни общества.

Убежден, что именно этого, консолидации и самой партии, и всех здравомыслящих, действительно заботящихся о благе народа политических сил, ждут от нас миллионы коммунистов и подавляющее большинство советских людей. Говорю об этом с уверенностью, потому что именно этот призыв повторяется во многих направленных мне письмах и телеграммах, обращенных к съезду. Давайте, товарищи, услышим этот голос народа, голос времени.

Во многих выступлениях я улавливал подтекст: во всех наших бедах виновата, мол, перестройка. Кое у кого даже проскальзывала ностальгия по старым временам, старым методам работы. Это я почувствовал в выступлениях на встрече с секретарями райкомов, горкомов. Встреча была хорошая, плодотворная, и, я бы даже сказал, состоялся большой разговор. Там присутствовали острые постановки, причем самых важных вопросов для жизни партии, общества.

Но нашлись товарищи, которые обвинили Генерального секретаря в том, что он своей политикой ведет не туда, что такая внешняя политика нам не нужна. Эти обвинения я отвел. Должен сказать, что если перестройка в чем и виновата, то в том, что она проводилась недостаточно последовательно и решительно. А это, кстати, упирается в позицию кадров в центре и на местах. Поэтому давайте ее менять, двигать вперед перестроечный процесс. Тогда перемены пойдут быстрее, и мы скорее получим результаты, которые почувствует весь народ. Не вижу другого пути, как решительное и целеустремленное продолжение перестройки, всего, что мы делаем по преобразованию экономики, социальной сферы, политической системы, нашего многонационального государства.

Давайте, товарищи, работать! Мы вступили в самую ответственную фазу перестройки, на очереди – крупнейшие реформы. (Аплодисменты.)

Печатается по тексту стенограммы: XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза 2-13 июля 1990 года. Стенографический отчет. Т. 2. С. 187-203.

(После перерыва.)

...Благодарю товарищей, которые присутствовали на совещании от делегаций и высказались здесь за выдвижение моей кандидатуры для избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Я долго обдумывал ситуацию, как она сложилась, искал единственно правильный ответ и в конце концов сказал товарищам: если меня будут выдвигать, кандидатуру свою снимать не буду. (Аплодисменты.)

В эти дни я получил много писем, в том числе от выдающихся людей, призывающих меня не давать согласия занять пост Генерального секретаря. Столько же, если не больше, получил писем и обратных. Одно вот здесь лежит, горячее так сказать, – «ни при каких условиях, что бы ни происходило на съезде, не снимать кандидатуру». (Аплодисменты.)

Думаю, первая часть ясна. Вторая часть: как поступить, совмещать – не совмещать, оставаться ли после всего того, что здесь говорилось, как оценивалась деятельность нынешнего руководства. Оно ведь работало в значительной мере под моим воздействием, поэтому я несу наибольшую ответственность за все, что сделано, и за все допущенные промахи, все существующие беды. У вас теперь много информации, и ваше право решить, как быть. Вы проголосуете, сделаете свой выбор.

Относительно моей программы. Я не считаю необходимым ее здесь разворачивать. Мои позиции вам известны. Еще раз хочу сказать: самая большая опасность на нынешнем, решающем этапе перестройки – это если мы допустим конфронтацию в партии, в обществе, в особенности расколом демократические, прогрессивные силы, настроенные на проведение радикальных преобразований в обществе. Если вы меня выберете, я все сделаю, чтобы все эти задачи решать. Естественно, я не повторяю всего, что уже говорил. Моя позиция вам ясна, я буду ее отстаивать и проводить в жизнь. Думаю, для этого нужны очень серьезные изменения и в составе ЦЕ, и в руководстве. (Аплодисменты.)

Так что я ставлю точки над «і», чтобы вы сознательно делали выбор. Теперь вопросы. (Шум в зале.)

...Я считаю, что мы все еще не готовы, и у нас идет процесс перестройки, у всех. Мы – дети своего времени, люди сложившиеся, за исключением молодой части нашего общества, перегруженные стереотипами, привыкшие к определенным формам жизни, к определенному укладу. И не так просто все это переделывать. Это – реальная жизнь. Поэтому я за переделку фундаментально-революционную, но такими методами, чтобы не ломать через колено людей, их судьбы и все общество, чтобы мы опять не втянулись в кровавые дела, в противопоставление, в братоубийственную борьбу. У нас таких лихих политиков уже появилось много. Я буду стоять на этом. Мы должны доказать, что не зря

прожили после революции, кое-чему научились и в эти годы и способны, располагая всем, что есть в нашем распоряжении, в первую очередь патриотизмом, интеллектуальным потенциалом, дружбой людей, а она есть, – демократически справиться с этими задачами, делая шаг за шагом, но решительно двигаясь вперед.

...Хорошо, по первому вопросу. Я твердо стою на позиции социалистического выбора. Убежден, этот социальный строй располагает огромными неиспользованными возможностями, и в рамках использования этого потенциала мы можем сделать многое, но – действительно проводя радикальные преобразования, возвращая через демократию человека к власти, возвращая его к средствам производства и как главное действующее лицо во всей духовной сфере. Я себя не мыслю и никогда не буду связан с теми, кто будет толкать нашу страну на путь восстановления и реставрации капиталистических порядков. Это не значит, что я провожу какие-то железный занавес, бетонную стену между капиталистическим обществом и другими вариантами социального выбора. Я – за сотрудничество нашей страны со всеми странами, за обмен ценностями, за обогащение культур. Все, что полезного есть у других народов, надо брать и использовать, оставаясь приверженным нашему социалистическому выбору. Первое. (Аплодисменты.)

Второе. Относительно выступления Бориса Николаевича Ельцина . Там, где товарищ Ельцин говорит о том, что партия должна реформироваться, обновляться, – здесь, я думаю, мы все едины. То, как он думает, как представляет этот процесс, – я не совсем уловил, что подразумевает под всем этим товарищ Ельцин. Поэтому ему еще надо, если он с нами, пояснить, что он имеет в виду. Что касается моих взглядов на обновление партии, я их изложил.

Мне кажется, что то, что содержится во второй части выступления Бориса Николаевича, – это все очень серьезно и мы должны это отвергнуть как неприемлемое для нас, коммунистов. Да, мы за обновление, мы должны признать новую роль и положение партии, но будем действовать, содействуя нашему социалистическому выбору, и никаких других целей для нас нет. Более того, мы будем исходить из того, что коммунисты могут создавать свои партийные организации и действовать там, где они считают нужным и возможным. Другой подход – это нарушение конституционных прав, прав человека. Вот моя позиция по главному вопросу. (Аплодисменты.)

...Я отвечу на Ваш вопрос двумя-тремя словами . Моя позиция по этому вопросу изложена и в предсъездовской дискуссии, и на самом съезде. На всех встречах в рамках прохождения съезда этот вопрос мне десятки раз задавался. Я сказал, как я его понимаю. Позиция известна. Все остальное решайте вы.

...Что касается первой части вопроса, то я должен еще раз сказать для тех, кто не присутствовал на моих ответах по поводу работы Политбюро.

Политбюро все свои решения, за исключением, может быть, трех- пяти случаев, принимало большинством. В случаях, когда мы не находили согласия, возвращались к этому 2-3 раза. Если не приходили в этом случае к согласию – снимали вопрос. Так что Политбюро тщательно анализировало каждый вопрос.

Думаю, мы были правы в том, что, откликаясь на настойчивые требования общественности, пошли на то, чтобы развернуть борьбу с этим злом, которое поразило наше общество. Это национальное бедствие уже сказывалось на генетическом фонде нации. Это надо было начинать и делать, это не ошибка. Но вот как мы это сделали – здесь, я думаю, допустили много глупых действий, на этот счет уже все сказано. Пытаемся сейчас поправлять, не забывая, что борьбу надо продолжать, но так, чтобы в нее было включено все общество, а не путем администрирования, не повторяя, что делали.

Как распределяется мое время? Пусть никто не думает, что легко все это дается, требует мало сил.

Я товарищам сейчас на встрече говорил, как тяжело сочетать две должности в наше время. И я вижу, что были потери. Думаю, механизмы, которые мы вводим сейчас, должны их уменьшить, свести к минимуму. Вот на это я надеюсь, потому что в таком виде, как это было, сочетать трудно, обязательно где-то будут потери. Время – это мой самый большой дефицит. Но думаю, есть еще запас сил для того, чтобы укрепить процесс перемен, которым я отдаю всю свою жизнь. А дальше, дальше уже... Самое главное – чтобы это состоялось.

Печатается по тексту стенограммы: XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза 2-13 июля 1990 года. Стенографический отчет. Т. 2. С. 241-246.